
ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

УДК: 811.511.142:81'367.2

DOI 10.25205/2312-6337-2022-1-82-88

Лексико-семантические замены в переводе романа С. А. Сарыг-оола «Повесть о светлом мальчике»

А. Т. Бадарчы

Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

Аннотация

Статья посвящена анализу лексико-семантических замен, использованных в русском переводе тувинского романа С. А. Сарыг-оола «Аңгыр-оолдуң тоожузу» («Повесть о светлом мальчике»). Основными видами подобных замен являются конкретизация, генерализация и модуляция (смысловое развитие) значения исходной единицы. Материал исследования собран путём сплошной выборки из оригинального текста и его русского перевода. Проанализированные лексико-семантические замены являются весьма распространёнными приёмами перевода, поскольку оригинальный тувинский текст изобилует различными терминами и понятиями, устойчивыми сочетаниями, отражающими культурные особенности тувинского народа. Прием конкретизации используется для достижения большей точности перевода. Применение генерализации часто продиктовано стилистическими причинами. Этот приём употребляется для более обобщенной передачи в переводящем языке образных и развернутых описательных выражений, многочисленных терминов и понятий с конкретным или узким значением. Модуляцией передается более точное содержание высказывания и значения той или иной лексической единицы или словосочетания. Эти значения бывают не только логически связанными, но и контекстуально обусловленными.

Ключевые слова

тувинский язык, переводоведение, тувинско-русский текст, лексические трансформации, лексико-семантические замены, конкретизация, генерализация, модуляция.

Для цитирования

Бадарчы А. Т. Лексико-семантические замены в переводе романа С. А. Сарыг-оола «Повесть о светлом мальчике» // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2022. № 1 (вып. 43). С. 82–88. DOI 10.25205/2312-6337-2022-1-82-88

Lexico-semantic substitutions in the translation of “The tale of a fair boy” by S. A. Saryg-ool

A. T. Badarchy

Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the analysis of lexical and semantic substitutions used in the Russian translation of the Tuvan novel “Аңгыр-оолдуң тоожузу” (“The tale of a fair boy”) written by S. A. Saryg-ool. The main types of such substitutions are concretization, generalization and modulation (semantic development) of the original unit meaning. The research material was collected by a continuous sampling from the original text and its Russian translation. The

© А. Т. Бадарчы, 2022

ISSN 2312-6337
Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2022. № 1 (вып. 43)
Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia. 2022. No. 1 (iss. 43)

lexico-semantic substitutions analyzed are very common translation techniques due to the original text being replete with various terms, notions, and collocations reflecting the cultural characteristics of the Tuvan people. The concretization technique is used to achieve greater translation accuracy. Generalization is mainly used to convey figurative and detailed descriptive expressions, numerous terms, and notions with a specific or narrow meaning. The translator uses this transformation technique to avoid excessive word loading of the translated text. The modulation technique is intended to convey more precisely the content and meaning of a lexical unit or phrase that may not be understood in literal translation and may distort the understanding of the text.

Keywords

Tuvan language, translation studies, Tuvan-Russian text, lexical transformations, lexico-semantic substitutions, concretization, generalization, modulation.

For citation

Badarchy A. T. Lexico-semantic substitutions in the translation of S. A. Saryg-ool's novel "The tale of the Bright Boy". *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2022, no. 1 (iss. 43), pp. 82–88. (In Russ.). DOI 10.25205/2312-6337-2022-1-82-88

В истории тувинской литературы важное место занимает творчество Степана Агбаановича Сарыг-оола (1908–1983 гг.), одного из первых писателей Тувы. Литературная деятельность писателя внесла заметный вклад в развитие тувинской литературы. С его произведения «Белек» («Подарок») – первого крупного произведения в тувинской литературе – началось развитие жанра повести. Он перевёл на тувинский язык стихи и поэмы А. Пушкина, М. Лермонтова, Н. Некрасова, Т. Шевченко, В. Маяковского и др. С. А. Сарыг-оолом создан киносценарий первого тувинского художественного фильма «Люди голубых рек» (в соавторстве с О. Саган-оолом). По мотивам его поэмы поставлена первая тувинская опера «Чечен и Белекмаа» (музыка Р. Кенденбиля). Он был автором учебных пособий по родной литературе для 4–5 классов общеобразовательных школ Тувы. При жизни С. А. Сарыг-оол выпустил сорок три книги. Его книги изданы также и на других языках.

Значительное место в тувинской литературе занимает роман-диалогия С. А. Сарыг-оола «Аңгыр-оолдуң тоожузу» («Повесть о светлом мальчике»). В романе описывается жизнь и быт дореволюционных тувинцев, изменения, происходившие в их жизни накануне революции и гражданской войны. Повествование ведётся от лица главного героя Аңгыр-оола. Для изображения целостной картины истории тувинского народа и его духовной культуры писатель обращается к этнографическим материалам и использует фольклорные произведения. В поэтике романа органично сочетаются мифологический и реалистический способы раскрытия образов героев и явлений действительности. «Повесть о светлом мальчике» называют художественной летописью, «энциклопедией жизни тувинского народа» [Комбу, 2012, с. 237; Данилов, 2003, с. 48].

Первая книга романа опубликована в 1961 г. в Кызыле, первый перевод – в 1966 г. в издательстве «Молодая гвардия». Вторая книга вышла в свет в 1966 г. в Тувинском книжном издательстве, ее перевод – в 1974 г. в издательстве «Современник». Это произведение было переведено на разные языки: русский, якутский, киргизский, монгольский, литовский, эстонский, английский.

Оригинальный текст романа и его русский перевод не соотносятся друг с другом по объему: перевод представлен в сжатом и измененном виде. Однако это не повлияло на общее содержание романа и развитие сюжетной линии: компрессия текста компенсирована такими переводческими трансформациями, как объединение предложений и даже глав, перемещениями и перестановками не только отдельных предложений, но и больших фрагментов текста, многочисленными опущениями и применением нулевого перевода.

Наше исследование посвящено анализу лексико-семантических замен (конкретизация, генерализация и модуляция), использованных в последнем по времени и общедоступном русском переводе романа С. А. Сарыг-оола «Аңгыр-оолдуң тоожузу» («Повесть о светлом мальчике»), вышедшем в 1986 г. в издательстве «Современник» (переводчик М. А. Ганина), включающем обе книги. Материал исследования собран путём сплошной выборки из оригинального текста и его перевода на русский язык.

В теории переводоведения существуют различные определения переводческих трансформаций, предложенные Л. С. Бархударовым, В. Н. Комиссаровым, Р. К. Миньяр-Белоручевым и другими исследователями.

В нашей работе мы, вслед за В. Н. Комиссаровым, трактуем *переводческие трансформации* как «преобразования, с помощью которых можно осуществить переход от единиц оригинала к единицам перевода в указанном смысле» [Комиссаров, 1990, с. 172]. В соответствии с характером единиц оригинального текста переводческие трансформации классифицируются как лексические и грамматические. Основные типы *лексических трансформаций* включают следующие приёмы: переводческое транскрибирование и транслитерацию, калькирование и лексико-семантические замены (конкретизацию, генерализацию, модуляцию) [Комиссаров, 1990, с. 172].

Способ перевода лексических единиц оригинала путём использования в переводе единиц *переводящего языка* (далее ПЯ), значение которых не совпадает со значениями исходных единиц, но может быть выведено из них с помощью определённого типа логических преобразований, называются *лексико-семантическими заменами*. Основными видами подобных замен являются *конкретизация, генерализация и модуляция* значения исходной единицы [Комиссаров, 1990, с. 174].

Конкретизация

Конкретизация – замена слова или словосочетания с более широким предметно-логическим значением в *исходном языке* (далее ИЯ) словом или словосочетанием с более узким значением в переводе [Комиссаров, 1990, с. 174]. Например:

(1) *Даштын хэй чон эт, чемин быжсырып, бистерни эргеледип, аш-чем берип турары база-ла эки* [Сарыг-оол, 2008, с. 57] ‘**На кострах** варят много вкусной пищи, все ласково говорят о маме, гладят меня по голове’ [Сарыг-оол, 1986, с. 36]. Слово *даштын* ‘на улице’, ‘под открытым небом’; ‘во дворе’; ‘вне дома’ переведено словоформой *на кострах*.

(2) *Күжүр теве-даа чүү боор, дөлем чер орта, хүн үнер чүкче көргөш, серте чок, кегженип чыткан* [Сарыг-оол, 2008, с. 13] ‘Лёг себе спокойно головой **к востоку**, жуёт жвачку, дремлет’ [Сарыг-оол, 1986, с. 6]. Сочетание *хүн үнер чүкче* (букв.: в сторону, где восходит солнце) заменено сочетанием *к востоку*.

В приёме конкретизации единица исходного текста может выражать родовое понятие, а единица ПЯ – входящее в неё видовое понятие, например:

(3) *Авам ол-ла дораан мени көдүрүп алгаиш, сугга аппарып чуп берген* [Сарыг-оол, 2008, с. 23] ‘Прибежала мама, схватила меня и унесла **к ручью**’ [Сарыг-оол, 1986, с. 11]. Здесь тувинское слово *суг* с общим значением ‘вода’, ‘река’ переводится словом ‘ручей’.

(4) *Хамык ужжур бичиизинде эвес, угаанында болган* [Сарыг-оол, 2008, с. 13] ‘Дело-то **не в росте**, а в **смекалке**’ [Сарыг-оол, 1986: 6]. Понятие ‘маленький’, ‘меньший’, ‘младший’, выраженное прилагательным *биче*, конкретизировано в ПЯ словом ‘рост’; лексема *угаан* со значением ‘ум’, ‘разум’, ‘рассудок’ заменяется в переводе на слово с более узким значением ‘смекалка’ [ТРС, 1968, с. 105, 432].

Встречаются примеры конкретизации, в которых весьма подробно описываются предметы, качества или действия, например, действие, обозначаемое тувинским глаголом *чолукишуур* ‘здороваться с кем-л., подавая обе руки’:

(5) *Дең эжи болза, кайы мурнааны-ла алдыртан өрү чолукишуурун кижги бурү оралдажыр* [Сарыг-оол, 2008: 138] ‘Если же встречается ровесник или друг, **вежливость обязывает опустить свои руки ниже и не допустить, чтобы он опустил свои руки ниже твоих**’ [Сарыг-оол, 1986, с. 93].

Использование приёма конкретизации в рассмотренных примерах, на наш взгляд, обусловлено необходимостью достичь большей точности перевода. Выбор того или иного соответствия в переводе может быть связан в какой-то степени с предпочтениями переводчика.

Генерализация

Замена единицы ИЯ, имеющей более узкое значение, единицей ПЯ с более широким значением называется *генерализацией* – это преобразование, обратное конкретизации [Комиссаров, 1990, с. 176].

(6) *Ол кезжээ оолдар бир өгге кажыктаан, кыстар бир өгге даалылап, хорулдаан – мырыңай хөглүг* [Сарыг-оол, 2008, с. 136] ‘Парни и девушки разошлись по юртам и играли в разные игры’ [Сарыг-оол, 1986, с. 91]. В тувинском предложении использованы лексемы с конкретным значением: *кажыктаар* ‘играть в бабки’ и глаголы *даалылаар* и *хорулдаар*, образованные от названий игр *даалы* ‘национальная игра, напоминающая домино’, *хорулда* ‘игра, напоминающая даалы’ [ТРС, 1968, с. 218, 139, 485]. Значения этих глаголов в ПЯ переданы обобщённым сочетанием ‘играли в разные игры’.

(7) *Алды оран, ортаа оран, үстүү оран – үш оранны депши чурттаар кылдыр чаяттынган...* [Сарыг-оол, 2008, с. 49] ‘Говорят, бог создал его таким, чтобы он мог жить во всех трёх мирах’ [Сарыг-оол, 1986, с. 23]. В тувинском примере использованы конкретные названия трех мифологических миров: *алды оран* ‘нижний мир’, *ортаа оран* ‘средний мир’ и *үстүү оран* ‘верхний мир’; в русском тексте их заменяет обобщение *три мира*.

(8) *А ол хүн кезегезин часкаш, оолдуң кезегези-биле холуй дырап ёзулааш, оон соңгаар кыстың кезегезин үш чап кылдыр чара өрээш, боошкун дээр ийикпе, чавага, салбак-чачак, чалаа-кара баглаар...* [Сарыг-оол, 2008, с. 189–190] ‘Косу девушки разъединяют на три косички, которые ниже плеч соединяют в одну, вплетая сюда же тяжёлое специальное украшение из бус и серебра’ [Сарыг-оол, 1986, с. 114]. В тувинском предложении перечислены названия различных женских накосных украшений и их элементов: *боошкун*¹, *чавага*², *салбак-чачак*³, *чалаа-кара*⁴. В ПЯ на их месте употреблено словосочетание с более общим значением – ‘украшение из бус и серебра’.

Нередко генерализация совмещается с контекстуальными заменами:

(9) *Караңгы имир келгенде, демги-ле хамык догжуур байлыңны үш-дөрт-даа кижии алгааш, аалдың барыын талазынче үнүп чорупту* [Сарыг-оол, 2008, с. 53] ‘Они подняли вместе с доской все эти ламские сооружения и понесли на запад от аала, лошадь они тоже увели с собой’ [Сарыг-оол, 1986, с. 33]. В тувинском языке лексемы *догжуур*⁵ и *байлың*⁶ обозначают вылепленные ламами фигурки, используемые в буддийской ритуальной практике. Они переведены на русский язык словосочетанием ‘ламские сооружения’, поскольку в данном контексте оно наиболее оптимально передаёт значение единиц ИЯ.

Такая же контекстуальная замена применена в примерах (10) и (11):

(10) *Үш хар чеде бээрге, тускай, кандыг хүн кыргыдып болурун ламаларга судур аштырып – айтырып алып* [Сарыг-оол, 2008, с. 22] ‘А когда сравняется три года, идут к ламе, и он назначает день’ [Сарыг-оол, 1986, с. 8]. Сочетание *судур аштырып – айтырып алып* (букв.: сутру открыть просят-узнают) в ПЯ передано сочетанием ‘назначает день’. Действительно, цель похода к ламе в данном контексте состоит в том, чтобы он, заглянув в священные книги, назвал обратившимся наиболее подходящие даты для стрижки волос.

(11) *Ам удавас маңаа бо душка – дээш, демги «Саң-Салыр» кырынче айыткаш* [Сарыг-оол, 2008, с. 136] ‘Он указал в ту сторону, где виднелись сооружения из снега’ [Сарыг-оол, 1986, с. 92]. Тувинское глагольное сочетание *саң салыр* имеет значение ‘совершать обряд окуривания, сжигая туркестанский можжевельник’ [ТРС, 1968, с. 368], однако в данном предложении оно окказионально субстантивировано, на что указывают кавычки, в которые оно заключено, и обозначает костёр для совершения обряда, осуществляемого в зимнее время, и, видимо, поэтому оно переведено как ‘сооружения из снега’.

Рассмотрим также другие примеры с приёмом генерализации:

(12) *Дөрт шагның эң-не экизин сөглөп, өөрүп келир ыраажы-дыр ийин... Хек үнү бо-дур ам* [Сарыг-оол, 2008, с. 81] ‘Кукушка кукует о весне, это время так и называется «кукушкин го-

¹ *Боошкун* ‘узелок’ [ТРС, 1968, с. 113].

² *Чавага* ‘узорчатое украшение для косы’ [ТРС, 1968, с. 505].

³ *Салбак-чачак* ‘кисть (украшение на женском головном уборе)’ [ТРС, 1968, с. 364].

⁴ *Чалаа-кара* ‘шелковая нить, вплетаемая в косу’ [ТРС, 1968, с. 513].

⁵ *Догжуур* ‘фигурка в виде трехгранной пирамиды, вылепленная из муки жареного ячменя и употреблявшаяся ламами как предмет жертвоприношения’ [ТРС, 1968, с. 166].

⁶ *Байлың* ‘вылепленные или вырезанные жертвенные фигуры’ [ТСТЯ, 2003, с. 205].

лос» [Сарыг-оол, 1986, с. 54–55]. Оригинальный пример исходного текста *дөрт шагның эң-не экизин сөглеп* (букв.: о самом лучшем из четырёх времён говоря) трансформирован в описательное сочетание ‘кукует о весне’.

Более общее обозначение может быть предпочтительным и по стилистическим причинам, например:

(13) *Черни көөрге-ле, ындыг ээнзиргей, ылым-чылым даглар, шораан хаялар, соок суглуг хемнер, дөргүннер, шытың шимчес дивес «кара чер-дир» оң* [Сарыг-оол, 2008, с. 65] ‘Журчит **ручеек** в тени высоких тополей, птицы поют, **скалы**, нагретые солнцем, струят марево’ [Сарыг-оол, 1986, с. 41]. В тувинском предложении употреблены как общие, так и специфические географические термины, передающие особенности природного ландшафта: *даг* ‘гора’, *хая* ‘скала’, *шораан* ‘отвесная скалистая гора, покрытая кустарником’, *хем* ‘река’, *дөргүн* ‘речка, берущая начало в степи, и окружающий её лес’ [ТРС, 1968, с. 140, 579, 471, 473, 179]. Переводчик заменяет эти единицы на слова ‘скалы’ и ‘ручей’ с более широким и общим значением.

Аналогичным способом переводчик генерализирует, трансформируя, и другие предложения, например:

(14) *Кавайда дуңмам ыглай бээди, чайга!* [Сарыг-оол 2008: 47] ‘**Маленький** в люльке плачет – качай!’ [Сарыг-оол, 1986, с. 12]. Тувинский термин родства *дуңма* ‘младший брат или младшая сестра’ переведено словом ‘маленький’.

Прием генерализации в исследуемом тексте применяется в основном для передачи образных и развёрнутых описательных выражений, многочисленных терминов и понятий с конкретным или узким значением. Переводчик употребляет этот прием трансформации, чтобы избежать излишней загруженности переводного текста, т. е. по стилистическим причинам.

Модуляция

Замена слова или словосочетания ИЯ единицей ПЯ, значение которой логически выводится из значения исходной единицы, называется *модуляцией*, или *смысловым развитием* [Комиссаров, 1990, с. 177].

Наиболее часто значения соотнесённых слов в оригинальном и переводном текстах оказываются связанными причинно-следственными отношениями, например:

(15) *Хам-даа болур чадавас боор бо – дээш. Ужа, төш чиир* [Сарыг-оол, 2008, с. 50] ‘Станет шаманом – всегда будем кушать **жирный курдюк** и **грудинку**, будем дары получать **богатые**’ [Сарыг-оол, 1986, с. 24]. В русском тексте переводчик, употребив слова *ужа* ‘жирный курдюк’ и *төш* ‘грудинка’, далее логически развивает предложение дополнением ‘будем дары получать богатые’. В тувинской культуре угощение жирным курдюком и грудинкой считается богатым подарком и проявлением особо почтительного отношения.

При использовании метода модуляции причинно-следственные отношения часто имеют более широкий характер, но логическая связь между двумя наименованиями всегда сохраняется [Комиссаров, 1990, с. 177], например:

(16) *А чер-биле эки иштежит, өөрени бээриңге, ол база-ла тынып, ырлап, каттырып чыдар* [Сарыг-оол, 2008, с. 65] ‘Приникнешь к земле и чувствуешь, что она тоже дышит, поёт, **живёт...**’ [Сарыг-оол, 1986, с. 41]. Значение тувинского сочетания *каттырып чыдар* ‘смеётся’ осмысливается как ‘живёт’ в русском переводе.

(17) *Ачамның-даа, кырган-авамның-даа арыннарынче көөрүмге, дыка коргунчуг: хөрөктериниң иштинде изиг үс хайнып турганзыг* [Сарыг-оол, 2008, с. 56] ‘Взглянешь на отца и бабушку – **точно** у них в груди масло **кипит**, **клокочет**’ [Сарыг-оол, 1986, с. 35–36]. Переводчик, трансформируя предложение, логически выводит значение ‘клокочет’ из значения сочетания *хайнып турганзыг* ‘словно кипел’. Данный эквивалент является устойчивым средством выражения эмоционального состояния человека в русском языке.

В примере (18) состояние человека передается выражением с лексемой *баар* ‘печень’, так как в тувинской картине мира печень предстает как средоточие эмоций:

(18) *Баарымда-ла ынчалдыр авам мээң кандыг-ла бир чугула чамдыымны алгаиш барган* [Сарыг-оол, 2008, с. 61] ‘**В глубине печени** лежал **большой черный камень**, и тяжесть эта была нестерпи-

ма' [Сарыг-оол, 1986, с. 38]. Перевод этого предложения на основе прямых соответствий (букв.: в печени моей мама моя взяла некоторую одну важную часть) был бы не понятен русскоязычным читателям, для которых ассоциативная связь печени и эмоций не очевидна, поэтому переводчик использует описательные обороты 'в глубине печени' и 'большой черный камень', которые не утрачивают связи с исходным тувинским образом.

В следующем примере переводчик также прибегает к способу смыслового развития тувинского слова *кежигун* 'член (партии)' → 'собрание партии':

(19) *Кежигун акым Бараан-оолду Хем-Белдири чоктаар деп, кожууннуң таңма черинден бижик келген* [Сарыг-оол, 2008, с. 289] 'Мой дядя Баран-оол получил предписание с хошунной⁷ печатью явиться в Хем-Бельдир **на собрание партии**' [Сарыг-оол, 1986, с. 169]. Тувинское существительное *кежигун* толкуется как 'член'; например, *партия кежигуну* 'член партии' [ТРС, 1968, с. 235].

Рассмотренные примеры показывают, что переводчик прибегает к модуляции для наиболее адекватной и полной передачи значения отдельных тувинских слов и словосочетаний, которые могут быть непонятны при дословном переводе или могут привести к искажению смысла читателями, не знакомыми с реалиями тувинской культуры и быта.

Проанализированные лексико-семантические замены являются весьма распространенными приемами перевода, поскольку оригинальный тувинский текст изобилует различными терминами и понятиями, устойчивыми сочетаниями, отражающими культурные особенности жизни тувинцев. Прием конкретизации используется для достижения большей точности перевода. Применение генерализации часто продиктовано стилистическими причинами. Этот прием употребляется для более обобщенной передачи в ПЯ образных и развернутых описательных выражений, многочисленных терминов и понятий с конкретным или узким значением. Модуляцией (смысловым развитием) передаются более точное содержание высказывания и значения той или иной лексической единицы или словосочетания. Эти значения иногда бывают не только логически связанными, но и контекстуально обусловленными.

Список литературы

- Данилов С. В. Слово о друге // Повелитель слов. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2003. С. 46–48.
- Комбу С. С. Тувинская литература. Словарь. Новосибирск: Наука, 2012. 360 с.
- Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Высш. шк., 1990. 253 с.
- Толковый словарь тувинского языка. Новосибирск: Наука, 2003. 599 с.
- Тувинско-русский словарь. М.: Советская энциклопедия, 1968. 648 с.

Список источников

- Сарыг-оол С. А. Аңгыр-оолдуң тоожузу. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2008. 440 с.
- Сарыг-оол С. А. Повесть о светлом мальчике. Перевод с тувинского М. А. Ганиной. М.: «Современник», 1986. 287 с.

References

- Danilov S. V. Slovo o druge [A word about a friend]. In: *Povelitel' slov* [The lord of words]. Kyzyl, Tuvinskoe kn. izd., 2003, pp. 46–48. (In Russ.)
- Kombu S. S. *Tuvinskaya literatura. Slovar'* [Tuvan literature. Dictionary]. Novosibirsk, Nauka, 2012, 360 p. (In Russ.)
- Komissarov V. N. *Teoriya perevoda (lingvisticheskie aspekty)* [Theory of translation (linguistic aspects)]. Moscow, Vyss. shk., 1990, 253 p. (In Russ.)

⁷ *Кожуун* 'район' [ТРС, 1968, с. 245]

Tuvinsko-russkiy slovar' [Tuvan-Russian dictionary]. Moscow, Sov. entsikl., 1968, 648 p. (In Russ., in Tuv.).

Tolkovyy slovar' tuvinskogo yazyka [Explanatory dictionary of the Tuvan Language]. Novosibirsk, Nauka, 2003, 599 p. (In Tuv., in Russ.).

List of sources

Sarıg-ool S. A. *Angir-oolduŋ toožuzu* [The tale of Angyr-ool]. Kizil, Tuvinskoe kn. izd., 2008, 440 p. (In Tuv.).

Saryg-ool S. A. *Povest' o svetlom mal'chike* [The tale of the bright boy]. M. A. Ganina (Transl. from Tuvan). Moscow, Sovremennik, 1986, 287 p. (In Russ.)

Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
16.05.2022

Сведения об авторе

Анай-Хаак Тимофеевна Бадарчы – магистрант Гуманитарного института Новосибирского государственного университета (Новосибирск, Россия).

E-mail: badarchy2019@mail.ru

ORCID: 0000-0001-5556-9067

Information about the Author

Anai-Khaak T. Badarchy – Master's Student, Institute for the Humanities, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation).

E-mail: badarchy2019@mail.ru

ORCID: 0000-0001-5556-9067